

Блестящего парня не стало!

В прошлом номере «ЛГ» были опубликованы магнитофонные записи разговоров, которые в разное время собственный корреспондент «ЛГ» по Латвии Татьяна Фаст вела с Юрием Подниексом. Человек мужественный и беспрдельно честный, запечатлевший на пленке январскую трагедию Вильнюса, пострадавший жертвам Нагорного Карабаха и Чернобыля, сокрушался: «Единственное, чего я теперь боюсь, — не успеть». Оказалось, это были прощальные слова: он далеко не успел сказать нам все, что терзало его сердце. И вот уже мы говорим ему ответные слова прощания.

Что же это за напасть, что же за судьба такая косоглазая — латышская, русская? Какой дряни натолкали мы в эту землю, каким недобрым током зарядили воздух над нею, что убийцу и вора носит она легко и подолгу, а удачливых и веселых торопится отнять, забрать себе?

Блестящего парня не стало! Я мало знал его, мы сталкивались в обстоятельствах, не располагавших к беседам, то праздничных, когда ему вручали бесценные призы, то крайне невеселых, когда погибали товарищи и надо было хоть что-то делать. Я им любовался.

Публицист редко бывает оригинален, он перепевает и трактует, а в кино — тем более. Какой несночаемый поток разоблачений породила свобода — с виду бескомпромиссных, бесстрашных, а на деле — запоздалых, разрешенных, а потому бездарных. Неигровому кино самой природой предудказано метаться от науки

Мит. газета, — 1992 — Вшолд. — с 2

и поэзии, от поиска истины к преобразению реальности, скатываясь то к скучному учебнику, то к разыгранной развлекалозне, которая тцится выглядеть документом. Несмотря на шумные успехи настоящих удач тут почти и не попадалось.

А Подниексу — дано было. Еще непонятно было, что началось, еще ничего не дозволяли, зубами надо было вырывать, а картина «Легко ли быть молодым?» засияла сразу. Новая и страшная социологическая истина о загубленном поколении звучала трагической музыкой. И все там было мастерски, свежо, горько. Из самых первых Подниекс показал, зачем таланту свобода, из первых бросился толкнуть уже не запертую, но еще плотно прикрытую дверь нашей общей камеры.

Тут по телевизору несчастная какая-то женщина сказала, что больше всего на свете боится счастливых, потому что счастливые равнодушны к чужим страданиям. Это какую надо было прожить жизнь, чтобы обделенность стала самой сутью

души! Бедная, тебя обманули. Человек от страданий тупеет. А счастливые — вот такие, как Юрис Подниекс — свет этой жизни. Это они подают милостыню, жалеют детей, помогают старушкам. Это они болеют чужой болью, как своей, вечно торопятся туда, где кого-то обижают, унижают, расстреливают. Как Подниекс.

Хорош собой, умен, удачлив — да просто смотреть на него было радостью. Как их мало, как они недолговечны!

А мы все боимся баловней, угрюмая неудача нам родней. Оттого и ходят среди нас, как ни в чем не бывало, убийцы Слапиньша и Звайзгне, и никто не наказан, и никого не тронули, как будто так и было задумано по плану всеобщего счастья — чтобы эти процветали, а у тех дети росли без папы.

Все тот же пепел стучит в наши сердца.

Прощай, красавец Подниекс. Да будет тебе пухом недобрая эта земля.

Андрей СМЕРНОВ